
Я тебя уже не жду,
Ты не приходи.
Письма старые сожгу –
Разошлись пути.

Отключила телефон –
Я не жду звонка, –
Слушай равнодушный тон
Длинного гудка.

Вечер буду коротать
С кем-нибудь другим.
Я тебя устала ждать,
Ты не приходи.

А придешь – не отопру
Для тебя дверей.
Я тебя уже не жду.
Ты чужой теперь.

Надоело наблюдать,
Как проходят дни.
Я тебя устала ждать...

Ну, хоть позвони.

Спаси меня от этой суеты,
От вечной круговерти серых буден.
Не будет твой поступок безрассуден.
Спаси меня от этой суеты!

Спаси меня от глупой болтовни,
От долгих и ненужных разговоров.
Я не люблю пустопорожних споров.
Спаси меня от глупой болтовни!

Спаси меня от сумерек ночных,
От тени, что крадётся к новой тени,
Ловя меня своим хитросплетением.
Спаси меня от сумерек ночных!

Спаси меня от гулкой пустоты.
От эха бездны в темном переходе.
Пусть твой поступок будет благороден.
Спаси меня от грозной пустоты!

Спаси меня. Я в каменном лесу.
Я заблудилась в перекрестьях улиц,
Где мы с тобой нечаянно столкнулись...

Спаси меня, и я тебя спасу.

ПОГОВОРИ СО МНОЙ

Поговори со мной хотя бы пять минут.
Не надо про разбитую посуду.
Скажи о том, о чем я помнить буду,
Когда не пять минут, а все пять дней пройдут.

Поговори о том, о чем всегда молчишь,
Что остается каждый раз за кадром
Серьезного, задумчивого взгляда,
Когда со мною о пустом ты говоришь.

Не говори мне про жару и про дожди.
Мне новостей хватает в интернете.
Ведь я прошу сильней всего на свете:
По-настоящему со мной поговори.

Вся эта внутренняя дрожь –
Всего лишь легкая простуда.
Скажи, зачем ты и откуда?
Скажи, куда опять уйдешь?

А эта трепетность руки,
Должно быть, признак лихорадки.
Зачем так поцелуи сладки
И так объятия легки?

Так что-то голову кружит,
Что я свое забыла имя.
Скажи, лекарствами какими
Себя мне от тебя лечить?

Летела бабочка на огонь.
Такая хрупкая: только тронь –
Как пыль рассыплется от руки,
Но как движенья ее легки!
Летела бабочка, не боясь
Сгореть, исчезнуть, совсем пропасть.
И крыльев трепетных легкой взмах
Калейдоскопом плясал в глазах.
Горело пламя, и зыбкий жар
Волнами воздуха задрожал,
Стремясь скорее ее обнять.
Она летела, за пядью пядь,
И танцевала в лучах огня,
Чудесным танцем своим маня.
В одно мгновенье вдруг вспыхнул свет
И скрыл танцующий силуэт.

Летела бабочка, торопясь
К огню скорее попасть во власть...

Мы все время чего-то ждём
И дождаться не можем никак,
Отложив свою жизнь на потом,
Не решаясь вперёд сделать шаг.
Ждём. Кто шанса второго опять,
Кто удачный момент сторожит,
Постепенно начав забывать,
Что не ждать нужно нам, нужно жить.

Смешенье лиц, смешенье голосов,
Смешенье красок и смятение чувств.
И, кажется, идешь на верный зов,
Но вновь приходишь в дом, который пуст.

Наше чистое небо расцвечено, но не зарей.
Наше поле распаханно, но не зерно в той пашне.
И сиротски распахнутой дверью войти зовет
Покосившийся домик в разрушенный день вчерашний.

Вдоль дороги воронками-ртами кричит земля.
Может, помощи просит, а может, зовет на битву.
На погосте прибиток: куда бы ни бросил взгляд –
Толпы свежих крестов и проклятия сквозь молитву.

И собаки не воют, попрятавшись по углам.
Тишина хуже грома, когда расцветает ночью
Опалюющий сердце кровавой войны тюльпан,
Наши мирные жизни используя вместо почвы.

КО ВСЕМ ЧЕРТЯМ

Если когда-нибудь ты, сняв пальто,
Снова войдешь в мой дом и решишь обнять,
Это будет что-то совсем не то,
Что было еще, наверно, назад лет пять,
Это будет нелепо и не смешно
(И глупо хихикать мне как-то не по годам),
Вспомни: у двери на вешалке, там, пальто.
И убирайся обратно ко всем чертям.

Закройся, запри все двери и не пускай меня в дом.
Я буду ломиться в окна, гремя стеклом.
Я собью в кровь костяшки о железо твоей двери.
Это ты без меня "снаружи", а я - "внутри".

Мой язык, он не нов и не стар.
Мой язык от заимствований устал.
Не прогнувшись под требованья чинуш,
Он из книг дотягивается до душ.

Мой язык, он не стар и не нов.
Мой язык не рассчитан на дураков,
Знающих только iPhone и хай-тэк.
Он живет на полках библиотек.

Мой язык не канул во тьму веков.
Мой язык не молод, но он таков,
Что, когда на нем говорили отцы отцов,
Их боялись полчища дураков.

Ты мною болел,
Ты маем горел.
Я в май этот падала снегом.
Ты цвел невпопад,
Ты снегу был рад
И зяб под седеющим небом.
А что снегопад?
Лишь мокрый асфальт,
Блестящие холодом лужи.
Ты сердце терзал.
И май замерзал,
Но снегу твой май был не нужен.

Май 2014

Там, в прошлом, открытые двери гостиной,
Фигурка собаки на полке каминной,
Торшер возле кресла, включенный для чтения,
И книжка (конечно же, про приключенья),
Там дедушкин тапок похож на каноэ,
Там мама и папа. И чувство такое,
Что нет на земле защищеннее места,
Чем эта гостиная родом из детства.

ШКОЛЬНОЕ

Школьное платье и с бантами длинные косы.
Астры зажаты в кулак, так что пальцы белесы.
В ранце пенал и потрепанный плюшевый мишка.
Рядом за партией беззубый и рыжий мальчишка.
Хочется вырасти, хочется стать невестой,
А время как будто нарочно стоит на месте.

Школьная форма. Острижены длинные косы.
Куплены утром две свежие красные розы.
В сумочке спрятаны тушь и губная помада.
Рыжий мальчишка не сводит влюбленного взгляда.
Планы на жизнь и мечты о карьере успешной.
Тянется время, идет себе вдаль неспешно.

Костюм из бутика. Прическа – каре «на ножке».
Проколоты уши, а в них золотые сережки.
В руках авторучка и дело о крупной сделке...
А хочется снова на школьные посиделки,
Где банты, и косы, и астры в простом букете!
Растут слишком быстро не только чужие дети...

ТУМАН

Туман, как вата, – мягкий и пушистый –
Окутывал дома.
Ты тихо шла сквозь сад в тот вечер мгlistый
Опять одна.
Чудными светлячками сбоку где-то
Горели фонари.
Тонули в вате люди-силуэты,
И листья, и шаги...
Тонули голоса и затерялся
Машинный гул.
И ты сама тихонько растворялась
В тумане дум.
Ты взвешивала осень на ладони –
Кленовый лист.
И мысли в голове в туманном сонме
Переплелись.
А осень падала тебе под ноги,
Стелясь ковром.
Ты забывала все свои тревоги
В саду пустом.

Ты думала, что дни твои дурные,
Как листья те,
Слетели с жизни, ветви оголили,
Опали все.
Подхваченные ветром, растворились,
Ушли в туман,
С порывом ветра стайкой в небо взвились
Печаль, обман.
А осень жизнь закрасит желтой кистью.
И до весны
Ты будешь видеть, как с туманом листья
Вплывают в сны.

ПОКОЛЕНИЕ

И нарастающим итогом считаем бывших.
И хвалимся количеством расставаний.
Глотаем комом, не жуя, раздумий пищу
В вагонах метро, автобусах и трамваях.

Бросаем взгляды, проскальзывая по лицам,
Не глядя в глаза, не отпечатывая в памяти.
Ищем помощи у бандитов и боимся милиции.
И для самых близких мы вечно заняты.

Заменяли солнце солярием, галогенками.
Надеваем очки, чтоб не портить зрение.
Вместо мостов обрастаем бетонными стенками.
Странное, сумасшедшее поколение...

За окошком ночь черно-сизая.
Свесилась луна над карнизами.
Желтые глаза глядят плосками.
Ночь всегда дружна была с кошками.
Своевольная и своенравная,
В кошке ночь нашла себе равную.
Город лег у лап, и все улицы
Желтыми глазами любят.

Разъезжаемся.
Ни номера телефона,
Чтобы запомнить. Ни обидного слова,
Чтобы забыть.
Шаблонное обещание, как доберешься,
Сразу же позвонить.
Прощание. Перрон. Вокзал.
И чувство, что самого главного
Все-таки не сказал...

Будь за спиною два крыла,
Куда бы я тогда летела –
Душа, не знающая тела,
Огонь, не ведающий тлена,
Дыханье, полное тепла?

Как полуночный мотылек,
Влекомый пламенем свечи,
Летела б к звездам я в ночи
Или о хорсопы лучи
Себя сжигала в уголек?

Купаясь в воздухе живом
И нежась в солнечном эфире,
Чего искала бы я в мире?
И, распахнув глаза пошире,
Что находила бы я в нем?

Когда без тягот жить вольна,
О чем мечтать душе без тела,
Огню, не знающему тлена?
Что б я еще желать посмела,
Свободой одарена?

Не лучше ль, чтоб она болела,
Сжимаясь ежедневно в ком,
Чтобы гореть огнем хотела
Душа, закованная в тело,
Чтобы стремилась вон из плена
Безумным, страстным мотыльком!

КЛЮЧ

Она выходит в окно, как в дверь,
Открывая свободу своим ключом.
Ей часто шептали вслед: "Просто верь."
Да только вера здесь ни при чем.

В ее кармане вода и пыль,
Подошвы ведают Млечный путь.
Хоть ей твердят все вокруг: "Забудь",
Она мечту превращает в быль.

Ее квартира – бумажный ком,
Пространство, смятое по углам.
Она привыкла жалеть о том,
Что для других лишь ненужный хлам.

В ее бумажнике смех и плач –
Расплата с временем за грехи.
Раскрыв окно и накинув плащ,
Уходит снова писать стихи.